

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. М. Фишман

АЛГОРИТМ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭСТОНИЮ. БОРИС ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИД ЗУРОВ В СЕТОМАА (1937–1938)»

АННОТАЦИЯ. Подготовка издания потребовала серьезных обсуждений ряда спорных вопросов, вызвала ряд научных дискуссий, в том числе о роли русского населения в сложении специфических локальных форм народного христианства пограничного Печорского края / Сетомаа, обрядовой и материальной культуре русских и сету, истории региона XX в., научной терминологии и др. Все это нашло отражение в материалах пятилетней переписки, которая составила около десяти тысяч писем. С разрешения авторов писем в статье использованы те, которые наиболее убедительно демонстрируют особенности циклического алгоритма многолетнего французско-эстонско-русского проекта: корректное построение организационного процесса, его последовательность и корректировка, выработка стратегии, обоснование актуальности тем, формулировка целей и постановка конкретных задач, система профессиональных взаимоотношений и проблема компетенций и, разумеется, современная, заключительная оценка результатов совместной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: алгоритм, международный французско-эстонско-русский издательский проект, материалы Бориса Вильде и Леонида Зурова, Печорский край / Сетомаа, 1930-е годы, современные дискуссии, профессиональная компетенция

УДК 174

DOI 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-189-201

ФИШМАН ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА — д.и.н., зав. отделом этнографии Северо-Запада и Прибалтики, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: olga_fishman@mail.ru

Статья написана на основании одноименного доклада, прочитанного в 2019 г. на чтениях «К 100-летию Б. Н. Путилова и К. В. Чистова», организованных Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Длительный опыт работы под руководством К. В. Чистова в ряде международных издательских проектов, например в российско-финляндско-эстонском проекте «Inkeri» (1993–1995 гг.) (Ingrians and Neighbours 1999: 242), позволил автору оценить важную роль этики профессионального общения, учитывающей такие нравственные принципы, как приоритет интересов дела, уважение достоинства партнеров, тактичность и доброжелательность, для получения позитивного результата.

Приобретенные навыки коммуникации с зарубежными специалистами неоднократно помогали в последующем, когда первоочередной задачей являлось создание благоприятного, дружественного психологического климата в рабочей группе во избегании сложных, порой конфликтных ситуаций, связанных с принадлежностью к различным национальным школам, а также личностными субъективными знаниями и взглядами участников проекта (Fishman, Ivanovskaia 2019: 365–381).

Различные методологические позиции и подходы к изучению этики профессионального общения в настоящее время представлены отдельными монографическими и диссертационными исследованиями, учебными пособиями, а также рядом научных статей философов, социологов, психологов и др. (Лазар 2010: 63–77; 2012: 177–190; Фролов, Юдин 2016). По мере того как феномен общения со второй половины XX в. становился специальным объектом научных исследований, обнаружилась его необычайная сложность, в первую очередь потому, что он чрезвычайно трудно поддается понятийному анализу (Сафьянов 1998: 13).

Отсюда множественность и «размытость» используемых терминов, акцентирование внимания на сугубо профильных задачах (Зинченко и др. 2016; Шепель 1992). Так, большая часть современных научных трудов зарубежных и отечественных этнографов, культурных антропологов, фольклористов, отчасти социологов посвящена проблемам этики и повседневности полевого общения, в том числе как одной из форм межкультурной коммуникации. Последняя определяется как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Этой теме посвящены классические труды Э. Холла, К. Клакхона, А. Крёбера, Г. Хофстеде, Э. Сепира, Б. Уорфа (см. также: Marcus, Fisher 1986; Beals 1969; Geertz 1988; Kapferer 1988: 7–39; Sanjek 1990; Jenkins 1991: 433–455; Hammersley, Atkinson 1995; McGee, Warms 1996; Ньюман 1999: 110–121; Томпсон 2003), а также российских ученых С. А. Арутюнова, С. Г. Тер-Минасовой (Тер-Минасова 2000), А. П. Садохина, А. Ф. Тарасова и др. (Щепанская 2003: 165–179; Антропологический форум 2005: 9–134). Автор статьи также приняла участие в разработке этой темы (Фишман 2012: 15–32). Существуют специализированные сайты ведущих этнографических и фольклористических центров, на страницах которых размещены статьи и материалы, посвященные истории, опыту и современным проблемам полевых исследований. Обсуждение этики поля в западных социальных науках и дискуссии о создании единого профессионального кодекса, направленного на предотвращение негативных последствий исследований, привели к созданию таковых в целом ряде стран. Например, известный «Кодекс этики Американской ассоциации антропологов» (Кодекс этики 2000: 173–180).

Цель моей эмпирической работы — оперируя общепринятыми основаниями этики общения, дать описание и анализ практики преодоления этических проблем в ходе нечастой в современных гуманитарных исследованиях продолжительной коллегиальной научной деятельности: трехстороннего международного издательского проекта «Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)», инициированного Национальным музеем естественной истории в Париже. Издание стало итогом длительной совместной работы французских, российских и эстонских исследователей (2012–2017 гг.). Ее руководителями, а затем и научными редакторами, согласно подписанному трехстороннему соглашению, стали Татьяна Бенфугаль

(Франция), Хейки Валк (Эстония) и Ольга Фишман (Россия), а членами редколлегии — Маре Аун, Сергей Белецкий, Марина Засецкая, Арвис Киристая, Сергей Мызников, Алексей Новожилов, Маре Пихо и Ахто Раудоя.

Книга была опубликована на французском («Missions du Musée de l'Homme») и эстонском («Inimese Muuseumi ekspeditsioonid») языках в 2017 г., подготовленный русский оригинал-макет получил грант РФФИ только в 2020 г.

Главная цель этого междисциплинарного проекта была изложена в коллективной вводной статье редакторов, текст которой был использован мною на правах соавторства в последующей статье «Международный научно-издательский проект “Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)”: цель и результаты» (Фишман 2019: 185–201). Она была обозначена следующим образом — публикация ранее неизвестных уникальных материалов, собранных в результате двух археолого-этнографических экспедиций 1937 и 1938 гг., предпринятых в район Сетомаа / Печорский край по поручению Музея человека двумя русскими по происхождению и хорошо знавшими Эстонию и Северо-Запад России молодыми людьми. Борис Вильде (1904–1942), к этому времени уже штатный сотрудник музея, был назначен руководителем первой экспедиции 1937 г., а добровольный сотрудник, любитель и знаток древнерусской архитектуры, истории, археологии, писатель Леонид Зуров (1902–1971) прошел серьезную профессиональную подготовку по методике полевых исследований в Музее человека. Результатом двух полевых сезонов стали рукописные отчеты (около 300 листов), фотографии (365 ед.), музейные экспонаты (379 номеров), карты и официальные документы, в которых отражен широкий спектр оригинальной полевой информации по археологии, этнологии, церковной истории, топонимике, народному православию, культовым памятникам, почитанию священных мест, обрядовым практикам православных русских и сету, их семейной и календарной обрядности, материальной культуре. Большая часть полевых материалов была написана на русском языке Л. Зуровым, а экспедиционные документы — на французском. Они хранятся в Национальном музее естественной истории, Музее на набережной Бранли, Музее цивилизаций Европы и Средиземноморья и в некоторых других. В нашем издании эти материалы впервые объединены вместе.

Книгу предваряют предисловия руководителей четырех учреждений, возглавивших проект, и общий вводный текст редакторов, а в каждой из трех языковых версий — введение к национальному изданию. Структура состоит из трех частей. Первая из них, «Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа», открывается объемной статьей Т. Бенфугаль «Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е годы», остальные статьи посвящены описанию археологических и этнографических материалов, хранящихся, помимо Франции, в Эстонии (археологический архив и фондохранилище Таллинского университета, кабинет археологии Тартуского университета), Англии (Русский архив Лидского университета) и России (архив Дома русского зарубежья, Москва), а также личным и творческим биографиям Зурова и Вильде.

Во второй части, «Архив Зурова и Вильде в Национальном музее естественной истории», опубликована большая часть документальных материалов фонда, хранившегося в музее. Все собрание фонда, а также фотографии представлены на CD, приложенном к книге.

Третья часть книги — «История и культура Печорского края / Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова», посвящена анализу тем, которые в большей или меньшей степени изучались или фиксировались Б. В. Вильде и Л. Ф. Зуровом во время их полевых работ. Для адекватной оценки и критического анализа материалов в современном научном и социокультурном дискурсе были привлечены 11 специалистов из следующих учреждений Российской Федерации: Российского этнографического музея (М. Засецкая, О. Калинина, О. Фишман, И. Шангина), Института истории материальной культуры РАН (А. Мусин), Института лингвистических исследований РАН (С. Мызников), Института истории Санкт-Петербургского университета (А. Новожилов, Е. Михайлова), Московского городского педагогического университета

(А. Громова), Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (А. Александров, Л. Грушина); десять исследователей из Эстонской Республики: различных институтов Тартуского университета (Х. Валк, Э.-Х. Вястрик, П. Хагу, Н. Лаанету, К. Паюсалу), Института истории Таллинского университета (М. Аун, И. Белобровцева, А. Киристая), Института сето (А. Раудоя), Эстонского национального музея (М. Пихо); а также три специалиста из Франции: Национального музея естественной истории (Т. Бенфугаль. Ф. Меннесье) и Комиссии по публикации французских дипломатических документов МИД (А. Огенюис).

Приняв решение опубликовать материалы экспедиций 1930-х годов, участники проекта руководствовались различными намерениями и точками зрения, что четко артикулируется в обозначенных выше национальных предисловиях и общем введении. Французские исследователи больше всего акцентировали внимание на роли Музея человека во французской и европейской этнологии, истории его коллекций, а также на вкладе Бориса Вильде и Леонида Зурова в пополнение европейского собрания.

Российских ученых, безусловно, интересовала собранная ими объемная информация о культуре русских и сето на территории Печорского края, которая по Тартускому мирному договору 1920 г. отошла к Эстонии, что исключило возможность отечественным исследователям проводить здесь какую-либо экспедиционную работу. Но не менее важными для нас были личности Зурова и Вильде как представителей русского зарубежья, занявших свое место в истории России, Франции и Эстонии. Именно поэтому научная новизна издания заключается, по нашему коллективному мнению, и в том, что впервые деятельность Б. Вильде и Л. Зурова по изучению истории и традиционной культуры, собиранию и сохранению российского историко-культурного наследия получила всестороннюю профессиональную оценку. Ранее личность Леонида Федоровича Зурова в зарубежной и отечественной историографии рассматривалась преимущественно в контексте его литературной деятельности и как сподвижника И. А. Бунина, а Бориса Владимировича Вильде — как участника и героя французского Сопrotивления. Осмысление их личных и творческих судеб с позиции персональной истории помогло существенно изменить сложившиеся стереотипы об избранных Зуровым и Вильде формах индивидуального социального опыта. В целом такой подход соответствует современному осознанию роли русского зарубежья в сохранении преемственности в развитии русской культуры.

Содержание

**ЧАСТЬ I.
БОРИС ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИД ЗУРОВ —
ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ / СЕТОМАА**

Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг. 27

**1.1. Обзор и анализ архивных материалов
Б. Вильде и Л. Зурова в Европе**

Борис Вильде — Зурова историческая справка и классификация 41
Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии 113
Обзор музейной археологической и этнографической экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве этнографии г. Музея Человека (Берлин) 129
Архив Л. Ф. Зурова в Лозе (регент. зарубежье им. А. Н. Соловьевича (Москва)) 139

1.2. Биографические очерки

Борис Вильде (1908–1942) 149
Леонид Зуров (1902–1971) 161

**ЧАСТЬ II.
АРХИВ БОРИСА ВИЛЬДЕ И ЛЕОНИДА ЗУРОВА
В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

Б. Вильде. Начало экспедиции в Эстонию (лето 1937 г.) 177
Л. Зуров. Письмо-сметы Пизано Риме (декабрь 1938 г.) 183
Отчет Зурова № 1.
Результаты этнографического и археологического обследования Сетомаа — в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. 193
Отчет Зурова № 2.
Об археологическом перевале и реальных культурных сетах и русских крестьян Печорского края. О почитании ковшей, источивших и деревень. Результаты этнографического района, выделенной для переписки Музея человека. Москва и близлежащие страны, изученная от французского Министерства здравоохранения в 1937 и 1938 гг. 255
Народно-исследовательские заметки Л. Зурова 327
Мексика 327
Тайпи 334
Сельские поселения 334
Сельские поля 337

**ЧАСТЬ III.
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПЕЧОРСКОГО КРАЯ /
СЕТОМАА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ БОРИСА ВИЛЬДЕ
И ЛЕОНИДА ЗУРОВА**

**3.1. История формирования
и изучения историко-культурного пространства**

Сетомаа — земля, язык и культура на историческом пространстве 341
Культурно-социальные реалии Петербурга в 1920–1930-е гг. 365
История этнографического изучения народов Печорского края/Сетомаа 381

**3.2. Антинационализм и оппозитивная
Языки сето 417
Национализация деревень сето и их языковые этнолингвистические 429
Некоторые особенности лексико-грамматических говоров западной части Печорского края в свете трудов Л. Ф. Зурова 443**

3.3. Археология

История археологического изучения Сетомаа 437
Археологические экспедиции Леонида Зурова и их место в археологии Эстонии 477

Археологические работы Л. Ф. Зурова в контексте этнологии Северо-Запада России первой половины XX в. 493

3.4. Персональная архитектура

Периодные архивы в трудах Л. Ф. Зурова 501
Часына Сетомаа в картинах Леонида Зурова 521

3.5. Дохристианские верования и народное христианство

3.5.1. Проблематика изучения народного христианства 539
Введение 539
Дохристианское традиционное сето 547
Аспекты христианства сето 561
Народное христианство в контексте этнолингвистики реального мировоззрения русских населения Печорского края в материалах Л. Ф. Зурова 577
Материалы Б. Вильде и Л. Зурова о традиционных языках народного каменного сето 601
3.5.2. Почитание объектов природы 621
Введение 621
Культовые капища в Сетомаа 623
Почитание деревьев в Сетомаа 641
Культовые родники и выданы в Сетомаа 659

3.6. Семейная обрядность

Введение 677
Семейная обрядность русских Печорского края 679
Семейная обрядность сето 701

3.7. Материальная культура

Народная одежда, серебряные украшения и текстиль сето в XIX–XX вв. 713
Наследие из керамики и текстиля русского населения Печорского края 733
Рыболовство в Печорском Области 751

Рис. 1–3. Содержание книги «Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)»

Для эстонских специалистов наибольшее значение имели материалы архива Вильде-Зурова по культуре сету: полевые тексты и фотографии, особенно новые сведения о культуре почитания камней, источников и деревьев, архаичных ритуальных практиках, зафиксированных в период государственной политики модернизации Петсеримаа 1920–1930-х годов в составе Эстонской Республики. Оценка событий того времени и изменений в культуре сету была осуществлена эстонскими авторами в контексте современного историографического понимания культурного единства Сетомаа, ее уникальности и с позиции актуализации тех приоритетных гуманитарных исследований, которые свидетельствуют об этом и соответствуют потребностям развития идентичности сету, представлениям национальных активистов. Неслучайно институциональная поддержка проекта в Эстонии была оказана сообществом сету в лице Института сету: книга вышла как второй том трудов института (*Seto Instiituudi toimetised 2.*).

Подготовка издания потребовала серьезных обсуждений ряда спорных вопросов, вызвала ряд научных дискуссий, в том числе о роли русского населения в сложении специфических локальных форм народного христианства, обрядовой и материальной культуре, истории XX в., терминологии и др.

В силу сказанного именно циклический алгоритм (последовательность действий, которые необходимо повторять несколько раз для достижения положительного результата) нашего многолетнего проекта стал ключевым понятием при построении организационного процесса, его последовательности и корректировке, выработке стратегии, обосновании актуальности тем, формулировке целей и постановке конкретных задач, системы профессиональных взаимоотношений и проблем компетенций и, разумеется, современной, заключительной оценке результатов совместной деятельности. Безусловно, текст статьи содержит авторское видение процессуальной практики проекта.

Для демонстрации особенностей алгоритма использованы материалы пятилетней переписки участников проекта, составившей около 10 тысяч писем и представляющей собой уникальный по объему и содержанию и впервые используемый тип нарративного источника. Наиболее интересные и показательные письма были тщательно отобраны и использованы в статье с разрешения их авторов.

Цель нашего проекта изначально не вызывала никаких разночтений. Однако при определении авторов тех или иных тем, уточнении структуры издания и в ходе последующего неоднократного, иной раз десятикратного редактирования статей первого и третьего разделов книги возникали квалификационные претензии особого рода, что вызывало проблему доверия и отрицательно влияло на психологическую атмосферу в рабочей группе.

В качестве примера сошлюсь на навязанный эстонскими участниками проекта принцип авторства при написании статей по традиционной культуре русских и сету. Наши коллеги настаивали и в конце концов настояли на том, чтобы о русской культуре писали петербургские специалисты, а это в основном финно-угроведы, а о сету — эстонские. Основным аргументом, на их взгляд, являлся тезис о приоритете в изучении этнической истории и культуры за теми, кто знает язык сету, т.е. исключительно за эстонскими этнологами и лингвистами. В попытке убедить эстонских коллег в профессионализме петербургских этнографов и для осведомления партнеров мною был предоставлен список их статей по сетуской тематике, но из полученного ответа явствовало, что он никак не убедил их в нашей готовности писать статьи по духовной культуре сету.

Из моего письма французским партнерам: *Эстония не демонстрирует адекватного подхода к нашей коллегиальной работе, упорно педалируется тема некомпетентности российских этнографов <...> я вынуждена обратиться к вам как к инициаторам проекта, хранителям архива и тем, кто нашел средства на публикацию, выступить в качестве третьей стороны <...> Наше предложение взять тайм-аут не возымело на них никакого действия. Повторяю, я не ожидала такого противостояния...* Французские коллеги были солидарны с нами, призывая к соблюдению профессиональной этики и права исследователей на самостоятельный выбор тем статей.

Координатор проекта Ф. Меннесье писал: *Мы полностью с Вами согласны <...> неоднократно писали эстонским коллегам, защищая точку зрения, что любую культуру можно изучать и «извне», и «изнутри». Нам вспоминаются стихи Есенина: «Лицом к лицу лица не увидать, / Большое видится на расстояньи»...*

Призывы к адекватному, уважительному подходу в нашей коллегиальной работе, поиску разумного компромисса, позволяющего излагать различные точки зрения, а не абсолютизировать позиции той или иной стороны, к сожалению, не возымели действия на первоначальном этапе работы. Во избежание нарастающего конфликта мы предпочли пойти на уступку. Однако позднее при составлении объемной и не имеющей аналогов общей библиографии (более 50 с.) все статьи российских этнографов были в нее включены. Подготовка, сопоставление, согласование и редактирование библиографии стало важным итогом всего проекта.

В дальнейшем при обсуждении статей, которые так или иначе содержали оценку экспедиционной деятельности Б. Вильде и особенно Л. Зурова вместе с французскими партнерами мы не раз напоминали, что цель их экспедиций и методика полевой работы заключались в обследовании региона контактного проживания православного русского и сетуского населения Печорского края, а не в акцентировании внимания только на сетуской проблематике. Из письма Ф. Меннесье: *Наше издание действительно называется «По следам экспедиций Зурова и Вильде» в контексте современного понимания результатов их исследований, а не труд «Этническая история и традиционная культура сету».* Однако эстонский авторский коллектив следовал своей задаче. На это справедливо указал в своей рецензии на книгу известный эстонский фольклорист А. Калкун: *«Хотя в центре внимания этой объемной книги, изданной совместно несколькими странами и учреждениями, находится культура сето и Печоры, кажется, что Борис Вильде и особенно Леонид Зуров интересовались прежде всего русской культурой и ее записью, по крайней мере при планировании полевых работ» (Kalkun 2018: 991).*

Особенно острые, во многом идеологического характера дискуссии и явное недопонимание возникали по истории Печорского края / Сетомаа как пограничного региона, неоднократно менявшего свою государственно-политическую принадлежность на протяжении XX в., а также по историографии археологии и этнографии. С нашей точки зрения, оценки недавнего прошлого изрядно политизировались эстонскими партнерами, зачастую в них игнорировалась или недооценивалась роль ученых советского времени. По мере продвижения проекта стали очевидными причины столь глубоких различий и недопониманий.

Прежде всего они обусловлены переоценкой всего контекста общей истории Эстонии и особенно проблематики XX в., произошедшей за последние десятилетия в эстонской общественной мысли в условиях политической и культурной модернизации, формирования новой идентичности, сложения нового, оппозиционного предыдущему исторического дискурса, что отражено во многих публикациях на эстонском языке. Этот факт не был нами в полной мере учтен, в том числе из-за недоступности новой исторической литературы. На фоне этого мы столкнулись с обвинениями в имперском и советском сознании при оценке недавнего прошлого. Об этом свидетельствует, в частности, переписка относительно текста статьи с первоначальным названием «Образ Сетомаа (Печорского края) в отчетах Л. Зурова и объективная реальность 1920–1930-х годов».

Х. Валк: *Говорить о знании «объективной реальности» 1920–1930-х годов звучит как будто странно, как будто идеологическое вступление и даже наступление. Термин «объективная реальность», с одной стороны, в контексте нынешней Эстонии звучит как наследие-клише от исторического или диалектического материализма. С другой стороны, никто из эстонских авторов (кто, может быть, все-таки больше в курсе с делами и ситуацией в Сетумаа 1920–1930-х годов, чем [имя российского автора] с историей и культурой региона), никак не сумел бы претендовать на владение знаниями об «объективной реальности» региона в целом. Пользоваться таким термином со стороны стороннего, который действительно в это время не жил, не владеет источниками и языком, звучит странно. Напоминает как будто советские времена, когда*

в метрополиях имели монополию на правду. Мне лично кажется, что так четко выраженная претензия на знание «объективной реальности Сетомааа 1920–1930-х годов» может вызвать уже заранее отрицательную реакцию. В итоге статья была названа «Культурно-социальные реалии Петсеримаа в 1920–1930-е годы», а содержание не претерпело значительных изменений.

Однако отрицание объективности (или даже попытки приближения к таковой) как общепринятого высшего критерия ценности научных исследований стало неожиданным, при том что не соответствовало содержанию статей эстонских авторов, в которых оценивались, в частности, взаимоотношения Л. Ф. Зурова с археологическими службами Эстонии. В его отчетах содержится негативная оценка их деятельности и прямые упреки в отсутствии интереса к изучению славянских древностей и сохранению памятников древнерусской архитектуры Печорского края. Это вызвало у наших коллег своеобразный комментарий и желание внести некое объективное, с их точки зрения, объяснение тем, что Зуров, как белоэмигрант, не мог понять националистически настроенных молодых эстонских археологов, предпочитавших заниматься археологическими раскопками Центральной Эстонии. Обсуждение формулировок и объяснительного дискурса было непростым. Мы настаивали на более глубоком понимании превратностей личной судьбы и обстоятельств жизни Л. Зурова (участие 18-летним вольноопределяющимся в составе Северо-Западной армии Н. Н. Юденича, пребывание в лагере для интернированных на территории Эстонии, где от тифа погиб его отец, эмиграция в Латвию, активная работа по изучению памятников русской старины на ее территории и в Эстонии, переезд во Францию, где им был собран внушительный архив участников Северо-Западной армии, хранящийся ныне в Доме русского зарубежья). В итоге была принята иная формулировка: «Суть его принципиальных разногласий с эстонскими археологами и чиновниками крылась в том, что он оставался верным идеалам утраченной Родины, а они были сторонниками новой Эстонии, устремленными в будущее». Чтобы не быть голословной, приведу отрывки из нашей переписки.

О. Фишман: *Относительно различия в позициях и оценках. Для нас оно очевидно, и в этом нет ничего странного или негативного. И мы, и вы по-разному переживаем последствия постимперского и постсоветского наследия. <...> Многие акценты в своих статьях мы намеренно не педалировали исходя из соображений научной корректности (в качестве примера могу назвать наши с Вами разногласия в коллективной статье по археологии, в которой Вы пытаетесь объяснить критическое отношение Зурова к деятельности эстонских археологов его политическими взглядами). Вашу фразу о том, что эстонская и Северо-Западная армии вместе сражались против большевиков я переписала <...> Нельзя же забывать о лагерях в Эстонии, куда были интернированы солдаты и офицеры армии Юденича (в том числе и Зуров) <...> Разве в этой фразе не Ваша позиция? Частичное несовпадение взглядов иллюстрирует и наша с Вястриком статья [«Изучение народного христианства»]. Но и это нормально. Почему же об этом не написать? Вся эта саморефлексия по поводу того, кто кого лучше знает, абсолютно не научна, поверьте. Проект, слава Богу, подходит к завершению, постараемся выполнить его на достойном научном уровне.*

Х. Валк: *Я предлагаю, не будем развивать здесь переписку по теме армии Юденича и политической истории XX века (и более ранних периодов). У нашей стороны своя аргументация. Эти вопросы — сейчас уже история. Мы можем обсуждать (это) в беседе, чтобы развивать взаимопонимание. Переписка этому не благоприятствует — маленькая неточность в выражении может вызвать свои последствия.*

Вот комментарий по этому поводу Т. Бенфугаль: *Безусловно, эта ваша совместная работа вскрывает еще не совсем зажившие исторические «раны», я это прекрасно понимаю, тем более что сама нахожусь лично «между» Россией и Украиной. Но давайте сделаем все вместе последние усилия преодолеть исторические упреки, возвыситься над ними научно и окончить наш проект, который я считаю уникальным! Как раз именно потому, как и пишет Ольга, как и я уже много раз писала, что он не скрывает различия позиций и научных оценок авторов. Полемика*

в науке, ее лучший мотор. <...> Будем иметь в виду лишь одно: за 4 года нашей общей работы мы уже столько сделали! Столько трудностей преодолели! (научных и административных), что будет очень жаль, если мы все выйдем на финишную линию с чувством усталости, недовольства и сожаления о предпринятом.

Х. Валк: *Позиции наши, конечно, разные — история такая, мы все это хорошо понимаем. Однако наука должна быть выше этого, и я уверен, что мы разберемся. Разные и наши оценки <...> особенно в совместных статьях, и это следует иметь в виду. Это была тоже проблема, с которой мне пришлось заниматься при редактировании текста — нейтрализовывать оценки.*

Как достигнутый компромисс выглядело согласие Х. Валка не использовать в статьях эстонских авторов название «Освободительная войны»: *...если этот термин чувствуется «идеологически заряженным» (например, как с эстонской точки зрения звучит «Великая Отечественная война»), неудобен, можно его пропустить.* Подчеркну, что авторы российских статей изначально использовали как само собой разумеющееся и уместное только наименование «Вторая мировая война».

Именно таким достаточно нейтральным образом завершился этот, казалось бы, небольшой эпизод в поиске взаимопонимания, но последовало продолжение... Я получила кратко изложенную современную версию интерпретации событий 1939 г. от Х. Валка. Привожу ее полностью: *Подготовка к оккупации Эстонской Республики началась в 1939 г. 23.08.39 был заключен договор Молотова-Риббентропа, согласно которому нацистская Германия и Советский Союз разделили Восточную Европу на зоны влияния. Гитлер организовал уже в первой половине сентября отъезд местных немцев из Эстонии (более 12 000 человек) и Латвии в Германию (всего более 70 000 человек). 28 сентября в результате ультиматума был подписан договор между Эстонской Республикой и Советским Союзом, согласно которому в Эстонии создали базу советской армии (25 000 солдат). 16.06.1940 Советский Союз представил Эстонии новый ультиматум, в результате которого советские войска (дополнительно 90 000 человек) оккупировали Эстонию. 21 июня в Таллинне был организован спектакль о «революции» и передаче власти «трудящимся», было сформировано новое, организованное Советским посольством правительство. 17 июля под контролем новой власти — выборы нового парламента (с одним предложенным новыми властями кандидатом). Этот новый «парламент» декларировал Эстонию Советской республикой и предложил Сталину просьбу принимать Эстонию в состав Советского Союза. Верховный Совет (парламент) Советского Союза принял Эстонию в состав Союза 6 августа. Одновременно аналогичные оккупации и «революции» состоялись в Латвии и Литве. Внимание мира в это время было на Париже. Несмотря на советскую оккупацию, государственность Эстонии de jure (сохраняет) преемственность существования с 1918 до сегодняшнего дня.*

Необходимость критического отношения к высказываниям и взглядам оппонентов нашла отражение в постраничных сносках. Так, в российской версии книги при использовании в статьях эстонских авторов понятия «российская / советская оккупация», нами было сделано примечание о том, что в современной российской историографии оно не используется в данном историческом контексте.

Развернутые разъяснения с тех же современных оценочных позиций недавнего прошлого были получены и при ответе на, казалось бы, частный вопрос, почему в примечаниях к диссертациям сетуских этнографов (статья «История этнографического изучения народов Печорского края / Сетомаа»), защиты которых состоялись в Ленинграде/Санкт-Петербурге, опущены данные о руководителях и оппонентах. Таковыми у П. Хагу («Аграрная обрядность и верования сету», 1983) выступили ведущие ученые Эстонии: руководитель кандидат исторических наук Е. В. Рихтер, оппонентами — академик Пауль Аристе и доктор исторических наук Татьяна Бернштам. Научными руководителями М. Пихо («Металлические украшения сету XIX–XX вв.», 1997) были крупнейший специалист по народному искусству и орнаменту народов Сибири доктор исторических наук С. В. Иванов и кандидат исторических наук А. М. Решетов, а официальными

оппонентами — доктор исторических наук А. К. Байбурин и кандидат исторических наук Е. В. Рихтер. Мы полагали: такая информация свидетельствует о наших давних и плодотворных профессиональных контактах, что, на наш взгляд, соответствовало действительности. Но разъяснение Х. Валка вскрыло иное восприятие и оценку: *Я не удивляюсь, <...> что многие российские коллеги удивлялись моему ответу о защитах. В нашей традиции было естественно, что можно написать диссертации на родном, а не на иностранном языке и защитить их на родине. Финно-угорские народы на территории Российской Федерации ведь никогда не имели традиции и возможности защитить работу на своих национальных языках, поэтому и их удивление. Конечно, вопрос научно не изучен. Однако действительно в Эстонии (по крайней мере в гуманитарии) не было добровольного стремления к защите в больших центрах Советского Союза. Такой путь выбрали совсем немногие. Уже из-за языкового барьера.* Вместе с тем укажу, что именно этот путь был избран рядом эстонских этнографов, в том числе П. Хагу и М. Пихо, сету по происхождению, признанными ныне специалистами и авторами нашей совместной книги. В русской версии книги мы сохранили упомянутые выше подробные сведения, указав в примечании, что «в советское время начиная с 1970-х годов возможности для написания и защиты диссертаций на эстонском языке были ограничены».

По мере продвижения проекта от историографической части к освещению и интерпретации историко-культурного пространства Печорского края / Сетомаа столь острое противостояние постепенно удавалось преодолевать, так как обсуждение перемещалось в общее профессиональное поле и велось на профессиональном языке. Примером тому является абсолютно корректная переписка российских и эстонских археологов относительно давних расхождений в интерпретациях связи археологического материала со славянскими или финно-угорскими племенами, а также в терминологии. Х. Валк писал, что «суть вопроса в том, как перевести терминологию в разных языках. Я предлагаю, чтобы не запутаться с терминами в контексте погребальных мест с курганными насыпями, везде использовать только слово “могильник”». В итоге Е. Михайловой было написано пространное примечание к коллективной статье «История археологического изучения территории Сетомаа» (авторы М. Аун, С. Белецкий, Х. Валк, Л. Грушина, А. Киристая, Е. Михайлова): «В российской археологической литературе существует известная неопределенность в содержании ряда терминов, применяемых к средневековым погребальным памятникам. В данном тексте мы используем термины в их современном значении: курган — искусственная насыпь, содержащая в себе захоронения или перекрывающая могилу; жальник (жальничное погребение) — средневековая могила, отмеченная на поверхности земли (обычно кольцевой) оградкой из камней или отдельными крупными валунами; могильник — “древнее кладбище” [предложение Х. Валка заменить на «место погребения». — О.Ф.], в составе которого могут быть как курганные, так и жальничные либо грунтовые (без внешних признаков) захоронения. “Курганная группа” — синоним термина “курганый могильник”. Археологи начала XX в., работы которых изучали Л. Зуров и Б. Вильде, часто не придавали особого значения наличию или отсутствию искусственной насыпи, называя “жальниками” как собственно жальничные погребения, так и курганы, обложенные камнями по основанию. Кроме того, исследователи тех лет “жальником” называли также любой древний могильник, примыкающий к современному кладбищу, или просто старинное кладбище. В таком общем контексте Зуров употребляет термин “курган” непоследовательно, термином “жальник” он вообще не пользуется». Таким образом, терминологические разночтения, обсуждавшиеся в нашей переписке, были сняты.

Весьма полезной была переписка по согласованию профессиональной фольклорной терминологии, использованной при переводе на русский язык статей эстонских авторов о почитаемых природных объектах (камнях, деревьях, источниках).

Серьезная дискуссия разгорелась относительно раздела, который первоначально назывался «Духовная культура / народное православие». От эстонских коллег прозвучало предложение устранить его, так как «Зуров не рассматривает темы народного православия специально

и отдельно — для этого у него не хватает знания о сетуском языке и сетуской культуре, однако рассматривает тему лишь в контексте поклонения природным объектам». Мы пытались обратить внимание на то, что позиция Л. Зурова демонстрирует личное — отрицательное, типично интеллигентское отношение российского интеллектуала начала XX в. к православию. Исходя из этого представлялась возможность критически проанализировать или хотя бы прокомментировать материалы Зурова в контексте «времени и себя». Обнаружились наши принципиальные отличия в понимании проблематики и методики изучения самого явления «народное православие». Наряду с этим, эстонскими авторами постоянно подчеркивался тезис об уникальности православия сету, в отличие от такового у других православных прибалтийско-финских народов (карелов, вепсов, води, ижоры), на примере похоронно-поминальной обрядности, типов и функций сельских часовен, форм почитания источников, камней и деревьев. В ходе обсуждения выяснилось, что наши коллеги не знакомы с современными подходами и результатами исследований народного христианства в России, со значительным числом новых трудов по изучению этого аспекта регионалистики Северо-Запада. Ликвидировать досадные пробелы приходилось путем отправки списков новой библиографии и отсылок к интернету. «Большинство литературы, которую Ольга рекомендовала, к сожалению, в Эстонии недоступно», — писал Х. Валк.

Достаточно сложной и длительной была совместная работа по праздничному календарю сету, сочетающему даты грегорианского и юлианского календарей, в целом по христианской терминологии. Мы засвидетельствовали направление вестернизации в изучении религиозности Эстонии и попытки обнаружить следы католичества на территории проживания современных сету.

Хочется поблагодарить А. Калкуна, положительно оценившего наши усилия в написании раздела «Народное православие». «Работа с “язычеством” и ортодоксальными интерпретациями прошла хорошо, — пишет он в уже цитированной выше рецензии, — так как вводный текст главы по народному христианству Эрго-Харта Вястрика и Ольги Фишман сочетает в себе различные возможные точки зрения и рамки интерпретации» (Kalkun 2018: 995).

Из всего сказанного очевидно, насколько принципиально важный характер носила редакторская работа, ее сложность была обусловлена прежде всего принадлежностью авторов, как указывалось в начале статьи, к разным научным школам, культурным и языковым контекстам. Т. Бенфугаль: *Несмотря на наши дискуссии и уже сделанную работу, по нашему мнению, не слишком поздно критическим взглядом частично пересмотреть часть результатов нашей общей работы и вернуться к первоначальному курсу проекта: в комментирующих статьях комментировать материалы Зурова. К сожалению, имеющийся план книги частично открывает путь к статьям, которые лишь косвенно связаны с материалами Зурова и отражают не конкретные Зуровские материалы, а знания и мнения исследователей о регионе и его культурах, оставляя материалы Зурова лишь в статусе «заднего плана». Это не влияет положительно на окончательный результат и прибавит дополнительную нагрузку на редколлегия.*

Порой процесс редактирования заходил в тупик, так как Х. Валку и мне приходилось буквально переписывать некоторые тексты или их отдельные части по несколько раз. Об этом же сетовал и Ф. Меннесье: *Мы с Эвой [Тулуз. — О. Ф.] перевели окончательные варианты, но оказывается, что они не были окончательными. Это неважно, но проблема в том, что в постокончателных вариантах изменения не были никоим образом обозначены. <...> В конце концов мы рискуем получить три разные книги. Теперь нам надо будет все перечитать с начала до конца. Двойная работа.* Отчасти неоднократное редактирование было связано и с тем, что наряду с опытными исследователями среди авторов были и любители, знания, стиль и язык изложения которых заметно отличались от профессиональных.

Не буду отрицать слова А. Калкуна о «сверхчеловеческих усилиях редакторов (Татьяны Бенфугаль, Ольги Фишман, Хейки Валка, координатора Филиппа Меннесье)».

В условиях порой абсолютно взаимоисключающих мнений и противоречивых позиций мы прибегали к таким конструктивным методам спора, как обмен аргументированными

разъяснениями не только для оправдания своих мыслей или для опровержения мыслей партнеров, но и для их осведомления о наших соображениях и доводах в отстаивании своей правоты (Скибицкий, Китова 2019). Учитывая, что при создании книги редактировались тексты, переведенные на русский язык, а переписка велась также на русском языке, мы сталкивались со взаимным недопониманием смыслов тех или иных слов и выражений. Именно поэтому мы обменивались обстоятельными и развернутыми письмами, в которых излагали свои позиции, прибегая к таким известным методам диверсификации, как попытка глубокого погружения в проблему и «мозговой штурм». В ходе наших отнюдь не всегда беспристрастных обсуждений мы стремились к выработке коллективных решений, что во многом удалось осуществить.

При этом в нашей переписке постоянно звучал сквозной рефрен: «Основа всякого сотрудничества — взаимная заинтересованность», «Давайте проявим терпение и понимание», — что, разумеется, помогало справиться со сложностями. Приведу размышления известного немецкого физика и философа В. Гейзенберга, полностью соответствующие моему пониманию миссии исследователя, в каком бы из направлений научной деятельности он ни подвизался, в какой бы стране ни жил, на каком бы языке ни говорил, какого бы вероисповедания ни придерживался: «Первым требованием в отношении ученого должно всегда оставаться требование интеллектуальной честности, в то время как общество часто будет просить ученого, вследствие изменчивости науки, подождать по крайней мере несколько десятилетий, прежде чем публично высказывать свое расходящееся с общепринятым мнение. Простого решения этой проблемы — если одной терпимости недостаточно, — вероятно, нет. Но, пожалуй, можно находить некоторое утешение в том факте, что здесь речь идет, несомненно, о довольно старой проблеме, относящейся к жизни человека во все времена» (Гейзенберг 1989: 85–86).

Каковы же результаты столь сложной работы? Повторю, что в ходе дискуссий удалось пересмотреть некоторые клишированные представления об истории Печорского края / Сетомаа и Северо-Запада России в целом, оценить реальный вклад Б. Вильде и Л. Зурова в изучение археологического и этнографического наследия небольшой пограничной территории с позиций современной историографии. Важно и то, что были выявлены и обстоятельно обсуждены сложные проблемно-тематические узлы новейшей истории, разночтения в толковании и концептуализации которых заданы различными в России и Эстонии современными идеологическими и социокультурными рамками. Учитывая это, данную публикацию и процесс ее подготовки следует рассматривать как опыт преодоления устаревших стереотипов восприятия региональной культуры, а также как пример современного информационно-культурного обмена и форму международной координации и сотрудничества, предпринятого между специалистами различных стран, сторонниками различных научных подходов, приверженцами тех или иных субъективных исследовательских позиций и взглядов. В итоге книга демонстрирует научное многоголосие, давшееся нам не без труда. По завершении коллективного труда все его авторы признали, что многому научились друг у друга в профессиональном и коллегиальном отношении, сохранили в качестве обязательных условий совместной научной деятельности и ее регулирования основные нормативные правила и этику общения (Мертон 1965), выработали стабильный алгоритм общего дела.

В заключение приведу тонкую реплику А. Калкуна: «По-видимому, Вильде и Зуров были бы удивлены, что их коллекция была поднята на пьедестал на этот раз применительно к традиции сету» (Kalkun 2018: 995). Ему не без юмора вторит и координатор нашего проекта Ф. Меннесье. По получении известия, что русская версия книги будет наконец опубликована, он пишет: *Я очень рад, что скоро выйдет в свет третья ипостась нашей книги, без которой все это дело не имело бы смысла. Я говорю о «нашей» книге, хотя я сам имел в ее разработке лишь второстепенную роль. Но я горжусь тем, что участвовал мало-мальски в этой затее. Мне кажется, что сето — единственный малый коренной народ в мире, которому посвящена монография в 800 страниц и в трех языковых версиях. Все это, конечно, из-за его трансграничного положения, но также благодаря тому, что два белоэмигранта, наши деды убежище во Франции, были посланы в места*

своего детства французским социалистом [директор Музея человека П. Риве. — О. Ф.], а затем оставили отчеты и фотографии у заказчика в посторонней стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Антропологический форум: исследователь и объект исследования // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 9–134.
- Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / пер. с нем. И. А. Акчурина, Э. П. Андреева. М., 1989.
- Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И., Рябов Г. П. Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии. М., 2016.
- Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999.
- Кодекс этики Американской антропологической ассоциации // Журнал социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 1. С. 173–180.
- Лазар М. Г. Этика науки в СССР-России: очерк истории становления // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 63–77.
- Лазар М. Г. Этика науки конца XX — начала XXI вв. и ее проблемы // Уч. зап. Российского гос. гидрометеорологического уни-та. Социально-гуманитарные науки. 2012. № 25. С. 177–190.
- Мертон Р. Амбивалентность ученого. М., 1965.
- Ньюман Л. Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 110–121.
- Пихо М. Э. Металлические украшения сету XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
- Романов П. В. Социальная антропология организаций: история, эпистемология и основные методологические принципы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II, вып. 4. С. 92–107.
- Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная антропология. М., 2004.
- Сафьянов В. И. Этика общения. М., 1998.
- Скибицкий Э. Г., Китова Е. Т. Научные коммуникации. 2-е изд. М., 2019.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Томпсон П. Голос прошлого. Устная история: пер. с англ. М., 2003.
- Фишман О. М. «Лицом к лицу»: из опыта полевой коммуникации // О своей земле, своей вере, настоящим и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е. Б. Смилянской. М., 2012. С. 15–32.
- Фишман О. М. Международный научно-издательский проект «Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)»: цель и результаты // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт — 2. Восьмые Шёгреневские чтения с междунар. участием: сб. статей / науч. ред. О. М. Фишман. СПб., 2019. С. 185–201.
- Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. Изд. стереотип. М., 2016.
- Хагу П. С. Аграрная обрядность и верования сету: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.
- Шепель В. Настольная книга бизнесмена и менеджера: управленческая гуманитарология. М., 1992.
- Щепанская Т. Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 2. С. 165–179.
- Beals R. L. Politics of Social Research (An Inquiry into the Ethics and Responsibilities of Social Scientists). Chicago, 1969.
- Jenkins T. Fieldwork and the Perception of Everyday Life // Man. 1991. № 29. P. 433–455.
- Geertz C. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, 1988.
- Fishman O., Ivanovskaia N. Mutual Stereotypes: Experiences From an International Exhibition Project // In the North, the East and West meet. Festschrift for Jens Petter Nielsen / ed. Kari Aga Myklebost, Stian Bones. Orkana Akademisk, 2019. P. 365–381.
- Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: Principles in Practice. London; New York, 1995.
- Ingrians and Neighbours. Studia fennica. Etnologica 5 / ed. by M. Teinonen, T. J. Virtanen. Helsinki, 1999.
- Inimese Muuseumi ekspeditsioonid Eestisse: Boris Vilde ja Leonid Zurov Setomaal (1937–1938). (Seto Instituudi toimetised 2.) Koostanud ja toimetanud Tatiana Benfoughal, Olga Fišman, Heiki Valk. Tartu, 2017.
- Kalkun A. Seto pärimus ja muistsed slaavi jäljed Inimese Muuseumis (Традиция сету и древние славянские следы в Музее человека). Inimese Muuseumi ekspeditsioonid Eestisse: Boris Vilde ja Leonid Zurov

Setomaal (1937–1938). (Seto Instituudi toimetised 2.) Koostanud ja toimetanud Tatiana Benfoughal, Olga Fišman, Heiki Valk. Tartu: Tartu Ülikool; Seto Instituut, 2017 // Keel ja Kirjandus (Язык и литература). 2018. № 12. C. 991–995.

Kapferer B. The Anthropologist as Hero: Three Exponents of Post-Modernist Anthropology // *Critical Anthropology*. 1988. Vol. 8, № 2. P. 7–39.

Marcus G. E., Fisher M. M. J. Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago, 1986.

McGee R. J., Warms R. L. Post-Modernism // *Anthropological Theory. An Introductory History*. London; Toronto, 1996.

Missions du Musée de l'Homme en Estonie Boris Vildé et Léonide Zourov au Setomaa (1937–1938). Sous la direction de Tatiana Benfoughal, Olga Fishman & Heiki Valk / Publications Scientifiques du Muséum national d'Histoire naturelle. Paris, 2017.

Sanjek R. Fieldnotes: The Making of Anthropology. Ithaca, 1990.

THE ALGORITHM OF THE INTERNATIONAL RESEARCH AND PUBLISHING PROJECT “EXPEDITIONS OF THE MUSEUM OF MAN TO ESTONIA. BORIS VILDE AND LEONID ZUROV IN SETOMAA (1937–1938)”

ABSTRACT. Preparing the publication has required serious considerations of several debatable issues and provoked academic discussions including those about the role of Russian population in the formation of complex specific local forms of popular Christianity of the borderland Pechorsky Krai / Setomaa, ritual and material culture of Russians and Seto, history of the region in the twentieth century, academic terminology, etc. All these issues have been reflected in the materials of five-year correspondence, which comprises about 10000 letters. With permission of the letters' authors, the article uses only those of them that convincingly demonstrate the specifics of the cyclic algorithm of the long-term French-Estonian-Russian project—the reasonable arrangement of the organizational process, its consistency and correction, elaboration of strategy, postulation of theme relevance, articulation of ideas and setting particular tasks, the system of professional relations and competence problems, and final contemporary evaluation of the results of joint activities.

KEYWORDS: algorithm, international French-Estonian-Russian publishing project, materials of Boris Vilde and Leonid Zurov, Pechorsky Krai, Setomaa, 1930s, modern discussion, professional competence

OLGA M. FISHMAN — Doctor of Historical Sciences, Russian Museum of Ethnography, Head of the Department (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: olga_fishman@mail.ru